

Как мы учились на филологическом факультете УлГПУ им. И. Н. Ульянова

О. Сидорова

Начнём с того, что мне не хотелось участвовать в этом проекте. Студенчество в моей жизни было не столько учёбой, сколько непростым путём социализации, обретения самостоятельности.

И мой отец, и моя мама закончили УлГПУ им. И. Н. Ульянова ещё тогда, когда он был не университетом, а институтом. Когда-то тогда, когда строили Ленинский мемориал. Учились тогда 4 года. Мама и папа начали встречаться в библиотеке. Именно в той библиотеке я провела большую часть своего свободного времени, пока была студенткой. Библиотека называется «Дворец книги». Она рядом с УлГПУ. Мой самый любимый уголок в Ульяновске, где от всех проблем и недоразумений можно было спрятаться за книжкой — будь то Пропп, Амонашвили, медицинская энциклопедия или учебник по возрастной психологии. Эта библиотека — самое важное, что случилось со мной в студенческие годы.

Общие впечатления о жизни в университете. . . Досадно, обидно — сложно сказать. Мне давалось в разы больше, нежели чем я смогла взять.

Поступила с боем, отучилась когда как, ходила в академический отпуск, закончила кое-как. Уважать себя особенно в связи с окончанием вуза не стала. Диплом синий, четвёрок много.

Помню, конкурс на филологический факультет был около 20 человек на место. Проходной балл — 14, при том, что за сочинение принципиально никому не ставили пятёрок. Прошла по полупроходному баллу. У меня было 13 баллов: «4» за сочинение, «4» за русский язык, остальное — литература. Сложно было описать моё ликование, когда я нашла себя в списках поступивших. Списки были напечатаны на машинке, написаны от руки — и вывешены в стеклянных витринах университета. Я была с мамой. Мы минут двадцать стояли и смотрели на мою фамилию, фигурировавшую в списке поступивших. Этого просто не могло быть.

Потом мне кто-то сказал, что главное дело уже сделано: университет — это такой трамвайчик, который работающих — пусть даже если они не самые талантливые — довозит до выпуска и сваливает в кучу положительной статистики выпустившихся.

Для меня факт поступления с первого раза был чем-то волшебным. Брат с первого раза не поступил. Он после простой школы пытался поступить на физмат. Это оказалось невозможно. Я поступала хорошо подготовившаяся в классе с гуманитарным уклоном. Без подготовки в 10–11 классах ничего не вышло бы. Ничего.

Начала учиться с максимальным старанием. В библиотеке просто поселилась. И прожила все годы обучения. Хочешь найти меня — иди в библиотеку. Курсе на третьем стала подрабатывать сторожем, уборщицей. Но это ночами. Днём — университет и библиотека. Курсе на четвёртом ещё курьером пошла. Работала много, занималась архимного. Где не хватало любви и интереса — добивала зубрёжкой и железной самоорганизацией. Подруг не было. Какие-то парни были курсе на третьем. Один или полтора — пустые и неинтересные люди. Училась на 4–5. На повышенной стипендии была раз или два.

В сухом остатке: базовое образование получено. Любви к педагогике как не было, так и нет. Выпустилась. На курсе была, наверное, в первой десятке успевающих. Языки не давались вообще. Философию и социологию с политологией вытянула, потому что отец философ — натаскана на соответствующей тематике. Педагогику, психологию, методики преподавания вытянула упрямством и терпением.

Любила ли учиться? Это адская работа, которую я рассматривала как необходимость. Которую не объехать, не обойти.

Самое тяжёлое в университете — это то, что методика преподавания студентам не существует. Помню, иду домой с кучей книг. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. . . — и все нужно прочесть за четыре дня. Конечно, справилась, конечно, сделала всё, но это была быстрая память, это была работа на ближний результат: чтобы отчитаться, а не чтобы на всю жизнь. И такой работы было слишком много.

Мои впечатления об учёбе в университете нейтральны. Хотя я честно скажу, что то, какими были студенты на моём курсе — городские, деревенские, инопланетяне, не от мира сего — все были намного сильнее, чем те, кто обучается у меня сейчас в московском вузе.

Студенческая жизнь началась с волшебства. В самый первый день нас собрали в одной аудитории. На курсе было 125 человек. Из них 124 девицы. Декан рассказывал что-то о жизни в университете. Про стипендию он сказал так: «девушкам на шпильки, юношам на сигареты». Ещё он говорил, чтобы мы относились к обучению в университете, как к большой чести.

Помню, в этот же момент приходили рассказывать о жизни в университете ещё два замечательных человека. Первый — сокурсник моего дедушки — В. Ф. Б. Дедушка в семейных рассказах называл его Венечкой. Специалист по топонимике. Помню, смотрела — и оторваться не могла. Он говорил недолго. Содержание речи тоже не помню. Наверное, рассказывал об истории факультета. А потом зашёл замечательный мужчина — преподаватель татарского и чувашского. Не помню, как его зовут совершенно. На курсе было 5 групп: 1 — культурологическая, 2, 3, 4 — филологические, 5 — национальная. Пятая делилась на две подгруппы: татарскую и чувашскую. Преподаватель рассказывал, что знал только чувашский. Потом, чтобы выучить татарский, он поехал в глухое татарское село под Ульяновском, где русского никто не знал — и прожил там три года. Он посмотрел на нас с вызывающим презрением, как будто все 125 человек были представителями национальной группы: «С этого момента, если я узнаю, что вы между

собой в подгруппах разговариваете не на своём родном языке, долго здесь не проучитесь — можете собирать чемоданчики и ехать в свои родные деревеньки».

В университете, куда я поступила, работали друзья моих бабушки и дедушки, учителя моих родителей. И я могла их видеть, слушать рассказы о них от их ближайших учеников.

Больше всего не повезло с иностранным языком. Из школы я принесла английский, схваченный только зубрёжкой, зубрёжкой и зубрёжкой. Язык ненавидела, но с трудом грамматику знала. Преподаватели английского менялись часто. У нас английский и был, и не был. На первом курсе просто его не помню. На втором курсе была замечательная женщина, к которой ради индивидуальных занятий я приходила к нулевой паре, то есть к восьми. Она то ли жаворонком была, то ли мировым человеком, но проводить нулевые пары была согласна. Мне говорила удивительное: «У Вас хорошее произношение, я хочу слышать Вас. Только занимайтесь и занимайтесь!» Мотивировала, как могла. Я выучивала километры текста на английском: куски из детективов, тексты из учебников — всё, что она мне советовала вызубрить. Говорила: «Ещё Ленин учил: сложное надо сделать простым, простое привычным, привычное — приятным».

Историю мировых цивилизаций вёл замечательный молодой мужчина О-в.

Да, в 1997 году ему было 30. Он читал курс взахлёб, не пользуясь никакими своими конспектами. Я привезла тетради с его лекциями сюда, в Москву, т.к. рассматриваю их как ценный материал. Всегда сидела в лекционных аудиториях на первом ряду в самой серёдке — перед преподавателем. И вот раз пишу-строчку за О-вым — бац — моя тетрадка упала к его ногам и поднять ее не могу. О-в обращается к аудитории: «Подождите!» Нагнулся, поднял мне тетрадку: «Записывайте аккуратно мои лекции!» Кокетка. Каждое слово записывала с удовольствием. Сейчас в сухом остатке ничего не помню. Виной тому горы лекарств или ещё что — не знаю. Но слава богу, писала аккуратно. Старалась. И тетрадь с собой.

Физкультура была для меня предметом вполне филологическим. Четыре семестра преподаватель физкультуры издевался надо мной, заставляя изучать теоретическую часть, раз заниматься мне нельзя по медицинским показаниям. Дебильные рефераты по типу «Питание спортсменов», беседы по реферату, чтоб я отчётливо помнила и понимала, о чём в моём реферате речь, комплексы ЛФК для больных с разными заболеваниями, составленные мною самой и выученные наизусть. Боже ты мой... Исходное положение — основная стойка, руки внизу. На счёт раз — вдох, выпад правой ногой, руки вверх, на счёт два — выдох, исходное положение. Моё образование — педагогическое. Не смотря на то, что я филолог и всё такое, умение работать с детьми — со здоровыми и больными — в лагере или где-нибудь ещё — моя профессиональная обязанность. Преподаватель физкультуры просил деньги, бутылки, ещё что-то в обмен на зачёт. А я говорила «нет, я лучше выучу». «Но ведь тререферат Вы купили! Лучше заплатите мне за зачёт!» — «Нет, я реферат написала сама. И комплекс упражнений выучила». Препо-

даватель излагал явное неудовольствие, гонял по комплексу упражнений, заставляя читать наизусть и в последовательности, и вразбивку, что было педагогически неоправдано. Потом ещё беседовал по реферату, ещё сто раз говорил, что реферат куплен. Это всё было крайне некрасиво со стороны преподавателя.

Курсы медсестёр – очень полезный предмет. Умение ориентироваться, когда кому-то стало плохо, отнестись к любой ситуации без брезгливости, а с тем достоинством, какое должно быть у любого врача и педагога – важная штука. Смотреть на клиническую картину любой ситуации как на некоторый исход предпосылок. Занятия были строго четвёртой-пятой парой. Вёл их классный дядька-травматолог, постоянно рассказывающий ситуации из врачебной практики. Он оживлял каждое занятие рассказом о срочном случае, когда нам приходилось включать голову.

«Ага, девицы, ведёте вы урок литературы – вдруг! – вашего любимого ученика на первой парте рвать стало на его любимую тетрадочку. Что будете делать? ААА??? РЕШЕНИЕ СРОЧНО!!!» — «А сколько ребёнку лет?» — «НЕПРАВИЛЬНЫЙ ВОПРОС!!! Быстрее!» — «Если хорошо рвёт – то других детей вон из класса и открыть окна, дать ребёнку облегчиться... если плохо рвёт, то воды!» — «Правильно. Какая картина перед нами?» — «Скорее всего, пищевое отравление» — «А ещё что может быть?» — «Острая форма гастрита» — «Верно. А ещё?» — «Отравление угарным газом» — «Ребёнка рвёт и рвёт, он устал, у него высокая температура! Что делать?» — «Обильное питьё, положить на бок, вызвать медиков. Какое-то количество рвотной массы собрать, чтобы понять, какой был яд, в случае если это отравление».

Это были очень важные уроки. Мне на экзамене досталась, кажется, бубонная чума и эпидермофития стоп.

Введение в педагогическую профессию. Сразу у меня стала вести педагогику Н. Н. А. или не сразу — не помню. Читала хорошо. Но нрав был у нее сложный. Помню, когда она деканом физико-математического факультета стала, прибежала к нам после звонка лаборант и говорит: «Девушки, ведите себя хорошо, у Н. Н-ы плохое настроение».

Педагогика мне страшно не нравилась. Вот учат в университете тому, что авторитарный стиль преподавания — это плохо, надо стараться следовать демократическим принципам, вот знаешь, что учеников есть зона ближнего развития и зона дальнего развития... Приходишь в класс — и начинается кошмар, потому что все теоретические знания о том, как должен строиться педагогический процесс, летят к чёртовой матери. И уже не ты учишь детей предмету, а они учат тебя быть учителем. Реальная педагогика — она только на педагогической практике. И зачем размазывать теоретическую педагогику на 5 лет — непонятно. Практики в университете 2: на 4 курсе по русскому языку. на 5 — по литературе. Когда попадаешь в школу, учитель берёт больничный и сваливает на тебя всё. Вообще всё. Умел ли ты что до этого или не умел, знал или не знал — ему точно всё равно. А ты старше детей лет на 5, если они десятиклассники. И поди справишься с ними. Конечно, метод погружения — весьма действенный, но большая часть

из нас возвращалась с практики с полной уверенностью в том, что больше в школе преподавать не будет. Никогда. А почему такое происходит? А потому что практика ничему не учит реально-то, та практика, какую дают проходить в школе. Реально я бы сделала как... Наверное, чтобы уроки для студентов были привычкой... два-три урока в неделю каждый студент вполне бы мог проходить. В ближайшей школе. С какой-то системой отчётности. Было бы время и для неаварийной подготовки, и для адаптации в школе, и, если бы понравилось, студенты могли бы брать часть внеклассной работы на себя и вживаться в школьную жизнь. Потихоньку. У студента набралось бы достаточное количество готовых конспектов уроков, чтобы выход на полный рабочий день не стал катастрофой, сформировалась бы привычка. Но наш университет не имеет целью воспитать учителей. Там нужна какая-то богу понятная статистика выпуска.

Но педагогика не одна была. Всякое было. Какую-то педагогику у нас вёл Б. Кажется, курс «практическая педагогика». К зачёту кроме знания теории надо было у него ОБЯЗАТЕЛЬНО купить несколько его книг. Я бедно жила — пошла на кафедру и сказала, что могу переписать книги от руки, но покупать не буду, ибо не на что. Как справились с проблемой — не помню. Мне удивляло всегда, почему руководство кафедры не останавливало таких преподавателей.

Психологию все пять лет у нас вела ее замечательная девушка Г. На ее занятиях были все, потому что можно было всё: и знать, и не знать, и спать, и активно заниматься. В любом случае — она — волшебница и красавица — умудрялась сделать занятия потрясающе интересными. В моей голове осталось хоть что-то из курса психологии ровно благодаря педагогическому таланту этой девушки. Единственное, что расстроило во всей этой истории — это вопрос по психологии на государственном экзамене. МЕТОДЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ УЧИТЕЛЯ. Вот надо было прочесть кучу книг, чтобы дойти до конца и рассказывать на экзамене про методы саморегуляции учителя. :-)

Теория языка. Сильнейший преподаватель — мой идеал на всю жизнь — Л. О... Как дать за 4 месяца первого семестра теорию языка так, чтобы мы имели уже прочные представления обо всём языкознании так, что последующие курсы на протяжении оставшихся лет только несколько расширяли и углубляли знания, — знает не каждый. Мы сдавали термины наизусть — выписывали их на карточки, и друг друга спрашивали на переменах. А потом отвечали ему. На второй неделе обучения от зубов знать классификацию языков, записки друг другу в виде транскрипции писали уже через 3–4 недели обучения в университете. Это был страстный темп.

Фонетика. Фонетику знаю. Могу преподавать хоть сейчас. О чём-то это говорит. Преподаватель — Г-ко. Мне не нравилась ее неоправданная строгость: после нее в аудиторию заходить было запрещено. Только до нее. Я не опаздывала, но за девчонок было обидно. В ряде случаев такой метод работы со студентами был неоправдан.

Латинский язык. Преподаватель латинского — молодой мужчина. Любил то ли себя в латинском, то ли латинский в себе, то ли и так, и так,

но безоговорочно. Латинский у нас был сдвоенными парами в конце дня, давался тяжело или не давался вообще. Как-то сдала — и ладно. Как говорится, *post jucundam juventutem, post molestam senectutem nos habebit humus*. Языки мне не давались вообще. Актуальный уровень знания — ноль из десяти.

Устное народное творчество. Ч-ву я увидела впервые во второй день обучения в университете. И влюбилась на всю оставшуюся жизнь. Внутренний голос сказал: «Это самое крутое, что случится с тобой в этом университете». Конечно, у меня были несогласия научного плана с ней. . . Она не считала фольклорными способы знакомства с девицами на улице — это не верно, куча форм с использованием клише существует («девушка, вашей маме зять не нужен?», «девушка, сыр любите?» — «нет» — «странно, такая крыса, а сыр не любите» и т.п.). Она меня ругала за фиксацию текстов по типу «Бей Россию, спасай жидов» или «Под стоны баб, берущих в рот, мы будем слушать Дереше Mode». Этика этикой, но она произносила страшное: «ЭТО НЕ ФОЛЬКЛОР!» А вообще в аспирантуру С. Ю. Н-а в Москву за руку привела.

Сдала фольклористику на четвёрку. И чтобы доказать и себе и Ч-вой, что я круче, чем среднестатистический четверочник, летом, отбывая плановый срок в неврологическом отделении, записала всё, что услышала из имеющего отношение к сфере фольклорного. Ч-ва оценила мою работу. И подарила мне будильник. Хороший будильник, который прослужил верой и правдой много лет. Ч-ва сказала, вручая подарок: «Учитесь хорошо и всё успевайте делать вовремя».

Первый курс училась запоем. Страстно. А потом. . .

Я не помню ничего, что мне давалось легко. Только через насилие над собой: зубрёжка, чтение книг по пять штук в день. Конечно, личное отношение к преподавателю сказывалось на отношении к предмету, но тяжелее или легче не становилось от этого. И ещё. . . Конечно, я благодарна преподавателям за уважение ко мне, если бы мне не ставили экзамены и зачёты «автоматом», я б сдохла, наверное. Но все предметы, по которым мне поставили «автоматом» отметку, сейчас я знаю вдвое хуже, чем те, по которым экзаменовалась, как все смертные. Мне везло часто больше других. «Автомат» Сидоровой одной из группы был частым явлением. Сейчас думаю, что к сожалению.

Первый курс университета выпила яростно, ревниво, с чувством долга. А потом что? Потом и предметы послабее, и преподаватели меньше нравятся, и уже подумать пора, куда себя-девицу девать, так как первые красавицы курса уже красиво вышли замуж и как следует забеременели.

Преподаватели часто говорили о своём. Им было безразлично внимание студентов. Студенты тоже начинали жить своей жизнью. Ну или вот я после ночной смены — ну и что я могла усвоить?

И тут не в преподавателе дело.

Помню смешную ситуацию. Сидела на истории языкознания вместе с Женькой С-м. Вдруг преподаватель говорит: «Это было трудное время: колокола переливали в пушки, а попов забирали в солдаты». Я Женьке говорю: «При-

кинь, какая крутая информация в контексте разговора об истории языкознания». Мы в голос захохотали. Препод осадил нас: «Ольга, нехорошо так смеяться с женатым мужчиной». Тут засмеялись все. Как потом оказалось, никто не понял, почему мы засмеялись: преподавателя не слушали, а как-то бездумно перелагали устную информацию в письменную.

На этом смешное не закончилось.

Мы с тем же Женькой через пару дней за одним столом занимались во Дворце книги. Нам сделал за ржач замечание библиотекарь. Я читала учебник по той самой истории языкознания и споткнулась о фразу: «Это было трудное время: колокола переливали в пушки, а попов забирали в солдаты».

Ха-ха-ха-ха-ха!

Нынешним студентам везёт: куча текстов в Интернете есть. Тогда студентам было тяжелее: всё было только в библиотеках.

Уровень представляемого материала материала можно оценить по-всякому. Что-то давалось на очень хорошем уровне, что-то вообще никак. Но мне видится это неважным. Если я определила для себя тот или иной предмет как важный для своего образования, — всё равно выучу, прочитаю, добьюсь результата. Преподавателю важнее всего зажечь интерес, дать студенту основное, указать пути развития и совершенствования. И поддерживать огонь, если разгорелось.

Достаточно ли компетентны были преподаватели? Вопрос этот сложный. На себя смотрю: паремиологию обожаю, а преподавать не умею. Почему? Страсть есть, диссер защищён, а педагогического мастерства не хватает.

В любом педагоге должно быть и знание, и умение, и преподавательские навыки. Конечно, среди тех, у кого я училась, были и такие как я сейчас — знающие, но неумеющие преподнести, и плохо знающие, но способные очаровать.

Вот возьмём педагогику. Я мало что помню из теоретической педагогики ровно потому, что основной преподаватель как бы это помягче сказать... проповедовала игровые формы обучения. Я тоже была учеником и знаю, что педагогический процесс — это серьёзная работа. Игровые формы обучения должны быть, но им должно быть отведено незначительное время. Нет, понятно, когда речь идёт о работе в летнем лагере. Тут я даже могу простить обязательность общей тетради, в которую к экзамену должно было от руки переписать из книг 50 подвижных игр и 50 тихих. Практику в лагере я прошла нормально. Но, ей богу, не стоила подготовка учителя к этой форме работы того количества лекционных и семинарских часов, которые были на нее затрачены. Ну, размазал преподаватель материал по семестру, получил за него жалование. Но нерационально это было. Компетентен человек, некомпетентен — тут уже не разберёшь. А курс был построен неправильно.

Предмет «Технические средства обучения» был безнравственным воровством у нас времени. Этот кинопроектор и устройство для показа диафильмов на пороге компьютерной эпохи... Мы спрашивали преподавателя: зачем

это нужно. Ответ: ну, надо, чтобы вы хоть в чём-то разбирались. И дело здесь не в компетенности, а в уместности предмета, в устаревшей программе.

Контакт с аудиторией искали не все. Кто-то с нами как с собой, кто-то с аудиторией, как со стеной. Работать тяжелее, чем слушать, поэтому я не предъявляла претензий. Один может рассказать, а отправить дочитать материал в библиотеку не может, второй бездарен в риторике, но отсылает к хорошим книгам, третий акцент делает на творческой работе студентов.

Но были случаи, запомнившиеся на всю жизнь.

Преподаватель по морфологии — Р-а. Замечательная женщина. Тогда ей было лет 35. Она узнала о смерти своего учителя — и не отказалась читать нам лекцию.

Читала сквозь слёзы материал, который ей в своё время этот самый учитель и давал. Был как-то неоправданно непростой человеческий подвиг читать такое при феноменальной любви к предмету.

Вот думаю: отчего мне так тяжело писать о студенческой жизни?

Я серьёзно болела. Теряла зрение на несколько месяцев. Преподаватели собирали деньги, чтобы мне помочь. Я всем им очень обязана. Та самая Р-а познакомила меня с системой Норбекова. Не сказать, что помогло, но я очень ей благодарна за стремление помочь.

С четвёртого курса студенчество было уже выживанием, а не работой по интересу. Там, где можно было, я уже не старалась. Там, где можно было вытянуть занудством, вытягивала занудством.

Когда девушке 20 и она понимает, что цветущий возраст — ненадолго, это проблема. На первый план выходит не учёба, а необходимость нравиться и интересоваться.

Книги, чтение, учёба были бегством от суровой реальности жизни. Поэтому я училась лучше многих.

Я благодарна всем преподавателям, которые смогли заинтересовать, убедить, погрузить, влюбить в свой предмет. А что не со всем получалось у меня — так то часто не от педагогов зависело.

Если честно, сейчас я хотела бы прожить своё студенчество заново, чтобы добрать там, где недобрала, не перегибать палку там, где перегнула, не комплексовать там, где слишком стеснялась. Учиться надо уметь.